

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

АДМОНИ В. Г.

НУЛЕВАЯ СВЯЗКА, СВЯЗОЧНЫЙ ГЛАГОЛ И ГРАММАТИКА ЗАВИСИМОСТЕЙ

Нулевая форма — давний, хотя и не всегда эксплицированный предмет размышления и споров в лингвистике [1]. В очень четком виде проблема нулевой морфемы была поставлена у Ф. де Соссюра, который отмечал, что «отсутствие окончания может играть такую же роль, как и обычное окончание», и указывал, что аналогичным образом могут существовать формы слов «с нулевым суффиксом» [2]. А. М. Пешковский вводит понятие нулевой формы в само определение формы слова. По Пешковскому, она представляет собой особое свойство слова, «в силу которого оно распадается по звукам и по значению на основную и формальную часть, причем по звукам формальная часть может быть нулевой» [3, с. 16]. Более того, Пешковский распространяет понятие нулевой формы и на синтаксис, вводя понятие нулевой связки в предложениях с именным предикативом и отсутствием связочного глагола *быть*, в которых «это пустое место», это отсутствие глагола функционирует в языке как *н а с т о я щ е е в р е м я и з ъ я в и т е л ь н о г о н а к л о н е н и я г л а г о л а*, так что образуется нулевая форма словосочетания, в котором безглагольность — нулевой признак с глагольным значением [3, с. 258—259, 351—352, 358].

Тем самым возникла необходимость деления нулевой грамматической формы на нулевую морфологическую (нулевая морфема) и нулевую синтаксическую форму (нулевая словоформа). Если нулевая морфема вошла в практику грамматических описаний уже давно и прочно, то с нулевой словоформой дело обстоит значительно сложнее. Показательно, что в весьма солидном лингвистическом словаре Т. Левандовского при слове *Zero-Form* стоит отсылка: *Nullmorphem* [4]. Несмотря на весь авторитет Пешковского, этот термин не используется в академических грамматиках русского языка [5, 6]. Вместе с тем в исследовательской практике термины «нулевая связка», «нулевая форма глагола» и т. п. применяются чрезвычайно широко¹. «Нулевая форма глагола» является, в частности, одним из основных грамматических понятий в таких концепциях грамматики, как валентностная грамматика и грамматика зависимостей.

Понятие нулевой связки с неизбежностью вытекает из рассмотрения парадигмы некоторых видов предложения. Например, в русском языке²:

¹ Для простоты изложения будем в дальнейшем обозначать нулевой связкой не только те случаи, когда, — например, в русском языке, — отсутствует действительно связочное *есть*, но и все те случаи, когда отсутствует *есть* — «находиться (где-нибудь)», «пробывать (в каком-нибудь состоянии)» в предложениях типа *он дома*, *он в хорошем настроении*. обстоятельственные и т. п. компоненты предложения оказываются здесь не только необходимыми, но и основными частями высказывания и тем самым должны рассматриваться как часть, притом основная часть, сказуемого, которое в своей цельности может быть обозначено как «расширенное сказуемое» [7, с. 28]. Для краткости изложения мы будем в дальнейшем условно именовать обстоятельственные и другие члены расширенного сказуемого просто предикативами.

² Речь идет именно о парадигме типов предложения, относящихся к разным его аспектам и с учетом различий его употребления в разных временных планах, поскольку эти различия влияют здесь на саму структуру предложения. Мои возражения против сведения парадигматики предложения к парадигматике морфологической, а именно к парадигме глагольной, остаются в полной силе [8].

Ты врач; Ты был врачом (врач); Ты будешь врачом (врач); Был бы ты врачом (врач); Будь врачом! (врач); Ты врач?

Отсутствие связи в первом и в последнем члене этой (впрочем, неполной) парадигмы означает, что в них отсутствуют те значения, которые выражены связками в других ее членах, а именно значения прошлого и будущего времени, условности и побудительности. Бессвязочные предложения тем самым оказываются наделенными грамматическими значениями настоящего времени и изъявительного наклонения.

Очень интересна позиция, с которой подходит к этой проблеме А. А. Потебня. Он полагает, что и в предложениях без связи связочный глагол, хотя и отсутствующий, все же является носителем сказуемости. Соответственно с этим именное сказуемое оказывается для Потебни и здесь всего лишь предикативным атрибутом. Рассматривая эту структуру в историкотипологическом плане, он объясняет это явление общей тенденцией индоевропейских языков к увеличению различия между именем и глаголом. Свою трактовку отсутствующих (т. е. нулевых) форм связи Потебня доказывает языковыми фактами русского языка, взятыми в парадигматическом плане (не употребляя термина парадигма): «...и опускаясь (как в случаях „он жив“, т. е. теперь), он (связочный глагол. — А. В.) может удерживать функцию настоящего времени благодаря постоянной возможности сравнения со случаями явственного обозначения в связке времен прошедшего и будущего: „он был, будет жив“» [9] ³.

Но парадигматическими отношениями, вообще системой чистых отношений в языке ограничиться нельзя. И безусловно «вдвигающаяся» в ряд лексически выраженных связок нулевая связка оказывается во многом отличающейся от них, если взглянуть на их соотносительность не в парадигматическом плане, а синтагматически, причем с точки зрения структурной организации предложения, т. е. с точки зрения грамматического строя как системы построения [12]. Ведь предложение в своем реальном существовании должно выступать как структурная цельность, как некое динамическое и четко организованное, схематизированное единство, способное именно благодаря наличию таких черт вычлениваться из речевой цепи как его основная мыслительно-коммуникативная и структурная единица, обладающая (относительной) смысловой и структурной законченностью. А достигается такая динамическая целостность в своей основе, в самых фундаментальных типах предложения путем взаимной обязательной сочетаемости словоформ, выражающих подлежащее и сказуемое ⁴. Такая взаимонаправленная сочетаемость, именуемая предикативным отношением, выражается здесь с особой силой, проявляясь хотя бы в том, что в языках с номинативным строем предложения именительный падеж, который может служить просто средством номинации предметов и предметных понятий, т. е. быть синтаксически несвязанным, вводится в предложение в качестве подлежащего именно для того, чтобы «устремиться» к сказуемому. Здесь возникает как бы подобие физической гравитации, причем оба гравитационно взаимодействующие компонента с равной силой устрем-

³ Исторические корни чередования предложений со связкой и без связи в древнем состоянии индоевропейских языков намечает и А. А. Шахматов, ссылаясь на А. Мейе [10]. В развернутом виде семантическое соотношение таких видов предложения в древних индоевропейских языках показал Э. Бенвенист, отрицавший само существование нулевой связки на том основании, что, например, в латинском предложении типа *omnia praeclara — rara, omnis homo mortalis* парадигматически полностью соотносима с предложениями типа *omnia praeclara — pereunt, omnis homo — moritur* [11]. С точки зрения данного вида парадигм, в котором предикативная связь носит обобщенно-вневременной характер и поэтому, как правило, употребляется лишь в панхроническом настоящем изъявительного наклонения, Бенвенист прав. Но он не учитывает, что в том случае, если связь подлежащего с предикативом реально может изменяться по временам и наклонениям, то создается иная, отмеченная нами выше парадигма, в которой нулевая связка существует.

⁴ Наиболее четко эту взаимонаправленность, «приписываемость друг другу» (*Zuordnung*) охарактеризовал Й. Рис [13]. На основании такой двусторонней обязательной сочетаемости создаются синтаксические проекции, ведущие от подлежащего к сказуемому и обратно и делающие возможным образование односоставных предложений, что часто поддерживается и особенностями формы слова [14].

лены друг к другу, что не исключает возможности того, что в некоторых специфических типах предложений, под влиянием «сильных» смысловых и/или коммуникативных факторов предикативное отношение может быть выражено и без прямого лексического наименования подлежащего или сказуемого, а осуществляться путем называния одного из этих компонентов, но с отчетливым присутствием некой проекции, исходящей от названного и ведущей к неназванному компоненту. Возможны здесь и иные смещения структуры предложения, опять-таки обусловленные особыми смысловыми и/или коммуникативными факторами, которых здесь, однако, мы касаться не будем. Все это — один из моментов существования предложения не только как единицы грамматической системы отношений, но и как единицы грамматической системы построения. Именно в этом ракурсе нулевая связка весьма существенно отличается от связки ненулевой, т. е. в русском языке от связки *есть*. Прежде всего, нулевая связка не дает возможности выделить, усилить, особо подчеркнуть ту взаимоотношенность, взаимоустремленность подлежащего и предикатива, на основе которой и строится предложение.

Остановимся лишь на одном типе предложений русского языка, для которых характерна нулевая связка, — на предложениях с субстантивным предикативом. Семантика этих предложений состоит в приравнивании друг к другу предметного содержания, выраженного в подлежащем, к предметному содержанию, выраженному в предикативе. Такие предложения обладают семантикой трех основных видов: семантикой включения единичного или более частного понятия в понятие более общее (*Воробьи — птицы*), семантикой отождествления двух понятий (*Это одно из первых каменных зданий нашего города; Дворец — единственный сохранившийся до нашего времени образец частного дома первой четверти XVIII в.*), семантикой обозначения признака того предмета, который выражен в подлежащем (*Маша умница*), и множеством вариаций и пересекающихся, переходных форм [10, с. 150—151; 184—189; 6, т. II, с. 274—289].

Предложения третьего вида, близкие к предложениям с адъективным признаком (*Маша умница — Маша умная*), в наименьшей мере требуют помощи особых структурных средств для своего функционирования. Это выражается, в частности, в том, что графически они обычно оформляются без тире, как и адъективные предложения. Между тем для предложений первого и второго вида характерно особое ритмико-интонационное противопоставление подлежащего и предикатива, ведущее, однако, к их тесному объединению, что грамматически выражается с помощью тире. В научном языке нередко даже это представляется недостаточным, а нулевая связка уступает место связке *есть* (порой даже *суть*) и в предложениях, отнюдь не выделенных эмоционально или логически. Ср.: «Скорость света... есть величина абсолютно точная» [15, с. 13]; «...Все численные значения физических величин суть результаты измерений» [15, с. 9].

Если же эмоциональное или логическое выделение происходит и в предложениях третьего вида, то это частично может быть достигнуто с помощью усиливающего определения к предикативу (*Маша — большая умница*), но в более подчеркнутой форме с помощью связочных образований типа *и есть* (*Маша и есть умница; Маша — вот это умница*)⁵. Между тем при выделении и усилении предложений первого и второго вида (даже при самой малой степени такого выделения и усиления) одних ритмико-интонационных средств оказывается недостаточно. Более того, даже связка *есть* здесь не очень действенна, а требуется разного рода связочные образования и местоименные связки типа *и есть, это и есть, вот это и есть, таков* и т. п. Вот пример на вариации связок, приводимый в «Рус-

⁵ Любопытно, что одна связка *есть* (без *и*) здесь в русском языке невозможна даже для усиления предложения, очевидно, в силу того, что предикатив выражает качественный признак, что соответствует невозможности употребить связку *есть* при прилагательном.

ской грамматике» в числе многих других: *Защита тайги — это (есть, это и есть, ест)* главная функция лесхозов [6, т. II, с. 286]⁶.

Особенно примечательно употребление связочного *это*. С одной стороны, анафорическое *это* в позиции подлежащего может сближаться с личными местоимениями, образуя особенно тесное синтагматическое единство с предикативом. Так обстоит дело в ненапряженных предложениях. Но при усилении напряженности в таких предложениях подлежащее *это* получает дополнительное ударение и резко противопоставляется предикативу, что графически выражается с помощью тире. Например, *Это — пустое* (Куприн, Поединок). Но в то же время отправная (одночленная, по терминологии Л. В. Щербы [16, ср. 17])⁷ форма подлежащего употребления связки *это* может быть использована при еще большей напряженности предложения, а также для выражения некоторых специфических оттенков в семантике предложений с нулевой связкой, особенно при развернутом характере его составов. Так, *это* может войти в состав усиливающих, подчеркнуто отождествляющих и выделяющих связочных образований — *это есть, это и есть, ест это и есть, это значит* и т. п., между тем как подлежащее оказывается выраженным другим словом (или группой слов): *Жестокость — это есть обратная сторона трусости* [6, т. II, с. 285]. Здесь казалась бы возможной и иная трактовка формы *это*, а именно не как связки, а как анафорического местоимения — подлежащего, указывающего на предшествующее имя, являющееся именительным представлением [3, с. 405—406]. Но этому противоречит тире, противопоставляющее первое существительное всему остальному составу предложения и создающее здесь тем самым то, что типично для предикативного отношения. Таким образом предикативное отношение внутри стоящего после тире отрезка, т. е. между *это* и *есть обратная сторона трусости* как бы «снимается», становится подчиненным другому предикативному отношению, охватывающему все предложение в целом, и включается в него. Это можно было бы, конечно, легко объяснить следующим образом: предикативное отношение, закрепившееся в самой грамматической системе в форме особого логико-грамматического типа предложения, «перекрывается» той предикативностью, которая создается в процессе актуального членения предложения. Но здесь перед нами форма, которая сама успела грамматизоваться, потому что сочетание *это есть* (как и форма *это и есть* и т. п.) уже превратилось, употребляясь в подобных случаях, в связочное образование, как видно из большого числа примеров в [6, т. II, с. 284—285]. Таким образом, в нашем примере происходит двойное (или даже тройное) выражение предикативного отношения между *жестокость* и *обратная сторона трусости* — на основе ритмико-интонационной напряженности и с помощью связочного образования, которое само состоит из двух связок.

Я привел лишь небольшую часть тех случаев, когда в предложение с нулевой связкой при напряженности предикативного отношения включаются различные связки и связочные образования, как глагольные, так и неглагольные. Это означает, что, являясь совершенно достаточной для образования предложения в грамматической системе отношений (парадигматических и синтагматических), не выходящих из состояния «синтакси-

⁶ Различия в напряженности (экспрессии) предложений со связками различного вида в «Русской грамматике» учитываются лишь в связи с порядком слов, но зато в ней подробно рассматриваются различные смысловые оттенки, ведущие к употреблению тех или иных связок (с. 284—286). Некоторые из этих оттенков, впрочем, по своей сути предполагают некоторую динамизацию предложения — в первую очередь, предложения с полной идентификацией и лексической тождественностью подлежащего и предикатива, например, *Дети есть дети*. Связка в таких предложениях обязательна (обычно связка *есть*), но иногда обстоятельство с семантикой всеобщности (*Дети всегда дети*).

⁷ Предикативность, создающаяся в результате актуального членения предложения, накладывается на предикативность, зафиксированную в устойчивых логико-грамматических типах предложения и может совпасть с этой устойчивой предикативностью (т. е. членением предложения на подлежащее и сказуемое), как она представлена в данном предложении, или не совпасть с ним. О понятии логико-грамматического типа предложения см. [7, с. 60—120].

ческого покоя»⁸, нулевая связка оказывается недостаточной для образования предложений, у которых предикативное отношение — напряженное. Для оформления таких синтагматических единств вступает в действие грамматическая система как система построения, которая в данном случае по предикативной напряженности значительной силы требует введения в предложение лексически выраженных компонентов, скрепляющих взаимоустремленность подлежащего и предикатива. Нулевая связка в русском языке просто не в состоянии удовлетворять этим требованиям грамматической системы построения⁹.

Совершенно иной предстает ограниченная роль нулевой связки в плане грамматической системы построения в тех случаях, когда предложение распространяется за счет таких второстепенных компонентов, которые относятся ко всему предложению в целом, т. е. к образующему его предикативному отношению. Это некоторые виды обстоятельств и модальные члены предложения. В глагольных предложениях они подключаются к глаголу как к структурному центру предложения. Но оказывается, что их можно включить и в предложение, в котором лексически выраженного глагола нет. Они входят в безглагольное предложение, лексически «прислоняясь» либо к подлежащему, либо к предикативу или занимая место между подлежащим и предикативом и в какой-то мере играя роль связки. Так, можно сказать и *Сегодня я дежурный*, и (при превращении обстоятельства в рему) *Я дежурный сегодня*, и *Я сегодня дежурный*. Подлежащее и предикатив становятся совершенно достаточной опорой для введения обстоятельства в предложение. Нулевая связка никакой роли при этом не играет. И тезис о незаменимости глагола как структурного центра предложения оказывается фикцией.

Впрочем, если анализ употребления нулевой связки при учете требований грамматической системы построения показал, как велика роль неглагольных элементов предложения (не только связки как таковой, в том числе и безглагольной, но и самих именных и главных членов — подлежащего и предикатива), то к этому же результату можно прийти, рассматривая употребление предложений с подлинно глагольной связкой преимущественно при учете грамматической системы отношений.

Действительно, в плане грамматической системы построения глагольная связка (типа немецкого *sein*) выполняет ряд задач по организации предложения, которые обычно осуществляются полнозначным глаголом. На материале немецкого языка это видно особенно четко. Лексически оформленная глагольная связка не только играет здесь свойственную полнозначному глаголу роль структурной оси предложения, к которой присоединяются второстепенные члены предложения, непосредственно относящиеся к предикативному отношению, но и осуществляет это, в связи с общими структурными закономерностями немецкого языка, с исключительной подчеркнутостью. Спрягаемая форма связки занимает здесь, как и спрягаемые формы всех остальных глаголов в неподчиненных повествовательных предложениях, второе место, как бы демонстрируя этим свое центральное место в предложении. Кроме того, связка полностью участвует в таком специфическом проявлении системы построения немец-

⁸ Выдвинутое О. Бехагелем понятие «состояния синтаксического покоя» означает в моем толковании, такое употребление грамматических форм, при котором они сохраняют свою исходную нормальную структуру, т. е. не подвергаются каким-либо сильным дополнительным воздействиям со стороны контекста и ситуации, кроме тех, которые заданы в исходных условиях образования и функционирования этих форм [18].

⁹ Забегая вперед, укажем, что в других языках, где нулевая связка как существенная грамматическая категория отсутствует, предикативное отношение может быть усилено как раз опусканием связки. Так, в немецком языке значительное структурное и звуковое сходство подлежащего и предикатива (например, если они рифмуются) может повести к тому, что возникает бессвязочный вариант предложения, который звучит более энергично. Например, *Träume sind Schäume: Träume — Schäume*.

кого языка, как организация глагольно-предикативной рамки¹⁰. Как известно, рамка охватывает в неподчиненном предложении все его компоненты между вторым и конечным местами, а в вводимых союзными словами подчиненных предложениях рамка создается путем постановки спрягаемой формы глагола в самом конце предложения. Связочный глагол ведет себя при этом так же, как полнозначный: *Er ist immer ein lustiger Kerl gewesen*, ничем не отличается от *Er ist gestern spät nach Hause gekommen*, а *Er wird geachtet, weil er ein guter Arzt ist* от *Er wird geachtet, weil er gut arbeitet*. Но все это несколько не означает, что связочный глагол господствует в немецком предложении и что подлежащее и предикатив синтаксически зависят от него.

Это становится очевидным прежде всего при рассмотрении тех отношений, которые существуют между подлежащим, связочным глаголом и предикативом как синтагматически объединенным построением. Действительно, в предложении *Peter ist Arzt* связка вместе с предикативом противостоит подлежащему так же, как в предложении *Peter kommt* подлежащему противостоит однолексемное глагольное сказуемое *kommt*. Связка *ist* оказывается лишь тем проводом, по которому проходит в своей взаимосоотнесенности предикативное отношение, соединяющее подлежащее и предикатив. Таким образом, сама парадигма таких двусоставных логико-грамматических типов предложения, взятых в состоянии синтаксического покоя, указывает на включенность связочного глагола в один из двух составов предложения, а именно в предикатив. Но главное все же не в этом. Ведь здесь, в принципе, могла бы возникнуть старая проблема: не являются ли предложения со связочными глаголами трехчленными в соответствии с концепцией суждения в аристотелевской логике. Главное здесь в конкретных формах сочетаемости связочного глагола с другими необходимыми компонентами предложения.

Если бы связочный глагол был действительно главным компонентом предложения, диктующим его построение во всех отношениях, то именно он одной своей семантикой должен был бы обуславливать обязательное присутствие совершенно определенных компонентов в предложении. Другими словами, связочный глагол должен был бы обладать четкой и недвусмысленной обязательной сочетаемостью. Но обладает он ею только в одном направлении — по отношению к подлежащему. А по отношению к сказуемому он обладает альтернативно-обязательной [19; 20, с. 84] сочетаемостью, т. е. такой обязательной сочетаемостью, которая может быть «устремлена» к компонентам предложения различного рода.

Так, сама по себе форма связочного глагола *ist* (3-е л. ед. числа наст. времени изъявн. накл.), с одной стороны, всегда направлена на номинативное подлежащее (или на его формальную замену — заместительное *es*) [20, с. 152—154]. Но, с другой стороны, она может сочетаться с самыми разными формами предикатива (субстантивным, адъективным, обстоятельственным) или даже вообще ни с чем не сочетаться, поскольку связочный глагол *sein* одновременно является полнозначным глаголом с семантикой бытия как такового. Следовательно, сама по себе форма связки *ist* отнюдь не предопределяет той структуры предложения, которая будет построена с участием этой связки. Реальная роль формы *ist* в каждом предложении, образованном с ее участием, определяется, напротив, самой структурой соответствующего предложения в целом, всей семантикой его необходимых компонентов в их взаимосвязи.

Конечно, и многие полнозначные глаголы обладают альтернативной сочетаемостью. Но она несравненно менее ярко выражена, чем альтернативно-обязательная сочетаемость глагольной связки.

Указывая на повышенную альтернативность обязательной сочетаемости связочного глагола и делая отсюда вывод, что он не может быть

¹⁰ Образование рамки предложения не является жесткой нормой и допускает многочисленные отступления под влиянием различных факторов, но представляет собой все же ведущую тенденцию построения предложения как в письменной, так и в устной форме речи. О порядке слов в немецком языке см. [7, с. 291—314].

подлинным «организатором» предложения, мы оставались в пределах грамматической системы отношений. Но поскольку отношение, которое мы рассматривали, это отношение предикативное, то на нем сказываются и закономерности грамматической системы построения: различные виды актуального членения предложения могут наслаиваться на предикативность, закрепленную в самой форме членов предложения со связочным глаголом, и вводить в предложение иные виды соотношения между темой и ремой. Так, в предложении *Peter ist Arzt*, если оно становится двучленным (по терминологии Щербы), связочный глагол может либо синтагматически объединиться с подлежащим и оказаться вместе с ним ритмико-интонационно противопоставленным предикативу, либо, принимая на себя логическое ударение, вместе с предикативом оказаться противопоставленным подлежащему: *Peter ist/Arzt* — *Peter/ist Arzt*. Первая из этих структур характерна для предложений с местоименным подлежащим (*Er ist/Arzt*), а во второй, несмотря на то, что связочный глагол оказывается в ней под ударением, он все же не обособляется, не отделяется противопоставительными паузами от подлежащего и от предикатива, а остается в синтагматическом единстве с предикативом, усиливая и подчеркивая правомерность связи данного подлежащего с данным предикативом [7, с. 97—98]¹¹. Во всех этих случаях предложение остается двусоставным.

Итак, и грамматическая система отношений, и грамматическая система построения в равной мере показывают, что глагольная связка в немецком языке является не той основой, которая предопределяет строение всего предложения, а тем компонентом, роль которого выявляется на основе всей структурно-смысловой цельности предложения. Это отнюдь не противоречит тому, что было сказано выше о роли связочного глагола как структурно-топологической оси предложения. Грамматическая система построения — это система сложная, многообразная, порой даже противоречивая. Она находится в сложном взаимодействии с грамматической системой отношений — иногда противопоставлена ей, а иногда кооперируется с нею. И то, и другое было нами обнаружено при анализе организации предложений с нулевой связкой и предложений со связочным глаголом. Для данной статьи главный вывод заключается, однако, не в этом, а в том, что все те грамматики, которые определяют типологию предложения, исходя из валентности глагола, на самом деле никак не могут претендовать на то, что они действительно способны объяснить типологию предложения. Валентность глагола не дает ключа для понимания всей системы логико-грамматических типов предложения, а может быть использована лишь для описания части этой системы даже по отношению к тем типам предложения, которые располагают связочным глаголом или такой связкой, нулевой характер которой определяется на базе ее парадигматического соотношения с глагольными связками в других формах предложения. А ведь существуют предложения, в которых нет и нулевой связки, а предикативное отношение дано в виде предикативной проекции, исходящей от имени и ведущей к понятию наличного существования, — бытийные предложения [3, с. 377—379; 6, т. II, с. 356—369; 22]. Из всего этого следует, что сводить анализ основных типов предложений (по моей терминологии: логико-грамматических) совершенно невозможно. Здесь требуется классификация предложений, исходящая из самого предложения как цельности с учетом всех его своеобразных черт.

Мне могут возразить, что я ломлюсь в открытую дверь. Действительно, главенствующее направление ведущихся у нас грамматических исследо-

¹¹ Кр. Випклер указывает на возможность синтагматического присоединения связочного *ist* либо к подлежащему, либо к предикативу как на проявление общей закономерности, позволяющей самостоятельным, но семантически слабым и потому неударным словам присоединяться либо к предшествующему, либо к последующему компоненту: *Der große Schritt ist /der aus der Tür* — *Der große Schritt/ist der aus der Tür* [21].

ваний — это направление, в основном, многоаспектное. В этом отношении показательна хотя бы та же «Русская грамматика» (1980). Но во множестве и наших, и особенно зарубежных работ связочные предложения (в том числе и предложения с нулевой связкой) и предложения бытийные при анализе структуры предложения просто не учитываются. А в германистике при конкретном анализе предложения со связочным глаголом иногда рассматриваются в общем ряду предложений, причем все они определяются на основе валентностных отношений. Так, У. Энгель, который проводит классификацию «образцов предложения» (*Satzmuster*), исходя из числа и характера дополнений, требуемых разными глаголами, т. е. целиком с позиций валентности, включает в число своих образцов и предложения со связочным глаголом *sein* — в частности, в качестве отдельных предложений с субстантивным и с адъективным предикативами [23]. Б. Энгелен, применяя терминологию Г. Глинца, рассматривает предложения со связочным глаголом и субстантивным предикативом как «сочетания глаголов с тождественной величиной без предлога», а предложения с адъективным предикативом как «сочетания глаголов с качественным дополнением» (*Artergänzung*). Впрочем, это только естественный вывод из исходных положений валентностной грамматики и грамматики зависимости, которые в своих крайних проявлениях рассматривают и подлежащее как особый вид дополнения, зависящего от глагола [24]¹². А в развернутом виде, с ссылками на обширную литературу, относящуюся к прежним периодам языкознания, решающую роль глагольной связки для конституирования предложения в общем виде подчеркивал И. Эрбен [26]. Итак, полемика с такими концепциями представляется все же вполне актуальной.

С другой стороны, мне могут возразить, что приведенный мною материал (всего два языка) совершенно недостаточен, чтобы сделать какие-нибудь общие, универсальные выводы о структуре предложения. Однако этот материал вполне опровергает то претендующее на универсальность положение, согласно которому во всех языках, в которых есть глагол, он всегда (даже в форме связки) господствует над всем остальным составом предложения. Это не означает, что исследования по сочетаемости (валентности) глагола и других частей речи в различных языках вообще являются излишними. Напротив, такие работы чрезвычайно полезны. В частности, надо всячески приветствовать появление разного рода словарей сочетаемости. Но все эти исследования никак не могут подменить всестороннего анализа закономерностей предложения и его типологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Meier G. F. *Das Zero-Problem in der Linguistik*. Berlin, 1961.
2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 220—221.
3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
4. Lewandowski Th. *Linguistisches Wörterbuch*. 3-te Aufl. Bd. 3. Heidelberg, 1980. S. 1090.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
6. Русская грамматика. Т. I—II. М., 1980.
7. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. М., 1973.
8. Адмони В. Г. Содержательные и композиционные аспекты предложения. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 12.
9. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958, с. 257 (ср. также с. 83—84, 111).
10. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1954, с. 179—180.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 175.
12. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964, с. 22—23.
13. R es J. *Was ist ein Satz?* Prag, 1931, S. 54—77.

¹² Трактовка подлежащего, а в значительной мере и предикатива лишь как актантов при глаголе (в том числе и глагола *être*) была дана уже у Ж. Теньера [25].

14. Адмони В. Г. О предикативности. — Уч. зап. ЛГПИ, 1957, т. XXVIII.
15. Медведев Б. С. Начала теоретической физики. М., 1977.
16. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 4-е изд. М., 1953, с. 123.
17. Адмони В. Г. Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности. — ФН, 1960, № 1.
18. Behaghel O. Die Herstellung der syntaktischen Ruhelage im Deutschen. — IF, 1903, Bd. XIV.
19. Admoni W. G. Der deutsche Sprachbau. Л., 1960, с. 74.
20. Admoni W. G. Der deutsche Sprachbau. 4-te Aufl. München, 1982.
21. Der große Duden. 2-te Aufl. Bd. 4. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, 1966, S. 665.
22. Admoni W. Satzbaupläne im Deutschen. — ZDPh, 1977, Bd. 96, Sonderheft, S. 160—163.
23. Engel U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. 2-te Aufl. Berlin, 1982, с. 192—193.
24. Engelen B. Untersuchungen zum Satzbau und Wortfeld in der geschriebenen deutschen Sprache der Gegenwart. Bd. 2. München, 1975, S. 264, 286.
25. Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959, p. 48, 97.
26. Erben J. Über «Kopula»-verben und «verdeckte (kopulalose)» *ist*-Prädikation, zugleich ein Beitrag zur Theorie der Valenz und ihrer Geschichte. — In: Deutsche Sprache: Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Friedrich Maurer zum 80. Geburtstag. Bern — München, 1978.